

В бескрайнем и жестоком мире «Боевого зла» гении рождались пачками. Лэй Лижэнь на их фоне не выглядел самым одарённым или ярким, но в одном ему точно не было равных — в везении. Судьба осыпала его щедрыми дарами и невероятными совпадениями, будто из рога изобилия. И всё лишь потому, что парню посчастливилось родиться любимцем автора, главным героем этой истории.

Однако оказался этот мир реальным, а не книжным, подобные подарки судьбы давались бы Лижэню куда тяжелее. Го Нуань, до этого тщетно ломавший голову над причинами своего внезапного перерождения, теперь начинал догадываться о сути вещей. Похоже, ему была отведена роль самого странного и незavidного «рояля в кустах». Его призвали сюда латать дыры в сюжете и тащить дряхлую телегу повествования по намеченной колее, чтобы история двигалась строго по канону первоисточника.

Надеяться на то, что ему подкинут какую-нибудь удобную систему с интерфейсом, не приходилось. Го Нуань прекрасно понимал: это пустые мечты. Скорее уж Гэань Цзян, этот проклятый писака, сейчас злорадно ухмыляется, глядя на него из своего далёкого сытого мира, и радуется, что несчастный попаданец никогда не вернётся домой, так и оставшись до конца дней своих в шкуре безродной дворняги.

Поскольку толковых подсказок ждать было не от кого, Го Нуаню оставалось лишь пробираться вперёд на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу.

И вообще, почему будущий безжалостный тиран уже в свои девять лет наводит такой ужас на окружающих?

За всю ночь, как бы Го Нуань ни лаял на Лэй Лижэня и как бы ни донимал старого нищего, эти двое не проронили больше ни слова.

В конце концов пёс настолько выбился из сил, что провалился в глубокий, тяжёлый сон. Но и там не было покоя: Го Нуаню казалось, будто в темноте к нему тянется нечто склизкое и холодное, сдавливая горло и лишая возможности дышать.

Если верить сюжету книги, уже завтра Чжан Мяо должен был отвести Лэй Лижэня к лекарю. Но сейчас они даже разговаривать друг с другом не желали. Как эти двое завтра пойдут рука об руку навстречу своей судьбе? Го Нуань слишком устал, чтобы ломать над этим голову.

Мальчик долго вглядывался в темноту. Услышав тихое, жалобное скуление пса, который метался во сне, но никак не мог проснуться, Лэй Лижэнь медленно разжал пальцы, которыми снова стиснул его шею. Лицо юного мастера оставалось каменным и безразличным.

Лежавший неподалёку Чжан Мяо уловил этот тихий жалобный хрип. Не открывая глаз, он глухо проговорил:

— Будь помягче с этой собакой.

Услышав голос старика, Лэй Лижэнь мгновенно ошетинился, словно потревоженный дикобраз. Каждая его мышца напряглась, готовая к защите или нападению, но он не произнёс ни слова.

Больше они не проронили ни звука. Так, в звенящей тишине и взаимном недоверии, они и встретили рассвет.

Из-за ночных тревожений и бесконечной беготни Го Нуань спал без задних ног. Когда Лэй Лижэнь поднялся и направился к выходу, пёс даже ухом не повёл. Мальчик хмуро посмотрел на спящую дворнягу, но будить не стал — просто вернулся на своё место и сел рядом, приняв прежнюю позу.

Старый нищий рядом спал на удивление крепко и безмятежно.

Го Нуань проснулся от собственного визга. Ему приснился жуткий кошмар: будто главный герой, взбешённый его непрекращающимся лаем, безжалостно перерезал ему горло. Сцена была описана со всеми кровавыми подробностями — в лучших традициях Гэань Цзяна, чьё умение живописать насилие всегда удерживало читателей у экранов. И пускай у Лэй Лижэня не водилось привычки глумиться над трупами, горы мёртвых тел в его книге были делом самым обыденным.

В этом суровом мире смерть ходила за практиками боевых искусств по пятам. Убийства, грабежи и насилие здесь считались нормой, и Го Нуань, запертый в теле жалкой собаки, не имел ни единого шанса защитить себя. Он лишь отчаянно надеялся, что его новоиспечённый хозяин не прикончит его при первой же вспышке гнева. Было бы чертовски обидно глупо погибнуть, едва успев привыкнуть к четырём лапам.

Из-за того, что Го Нуань так долго не мог проснуться, Лэй Лижэнь просидел в полуразрушенном Храме Бога Войны почти до самого полудня. Чжан Мяо тоже никуда не торопился, совершенно не заботясь о том, что другие нищие уже давно разбежались по улицам в поисках пропитания.

Едва Го Нуань поднял голову и сладко потянулся, Лижэнь тут же поднялся и молча двинулся к выходу. Пёс, всё ещё сонный и ленивый, поплёлся следом. Но не успели они перешагнуть порог храма, как во двор с шумом ворвалась толпа людей. В руках они держали лопаты, ломы и кирки. Лица новоприбывших не предвещали ничего хорошего.

Чжан Мяо лениво потянулся всем телом, прочистил горло и поднялся на ноги. Прислушавшись к шуму снаружи, он сделал несколько шагов вперёд и замер рядом с мальчиком и собакой. Немногочисленные бродяги, остававшиеся в храме, тоже повскакали со своих мест, испуганно переглядываясь.

Го Нуань почувствовал, как по его собачьей спине пробежал холодок. В оригинальном романе в это время старый нищий уже должен был вести Лэй Лижэня к целителю! О подобном повороте событий в тексте не было ни слова. Го Нуань с ужасом осознал, что сюжет окончательно сорвался с цепи и несётся в неизвестном направлении.

Между тем пришельцы даже не удостоили бродяг взглядом. Они уверенно размахивали инструментами, явно собираясь сровнять ветхий Храм Бога Войны с землёй.

«Да чем же этот старый храм им так насолил?» — недоумевал Го Нуань. Хотя мир «Боевого зла» и строился на законах восточного фэнтези, его быт опирался на суровые древние устои. Подобные исторические постройки, пусть даже заброшенные, редко сносили без веских причин.

Лэй Лижэнь нахмурился. Среди прибывших работяг он заметил несколько знакомых лиц — то были младшие ученики из семьи Лэй. Парень невольно напрягся. Неужели его выследили? Но секундой позже он отбросил эту мысль. Во-первых, все в клане считали его погибшим. Во-вторых, эти ничтожества принадлежали к самым низам семьи и вряд ли когда-либо видели молодого господина в лицо.

Однако терпение местных нищих подошло к концу. Один из них, набравшись смелости, закричал:

— Эй, вы чего творите?! Зачем наш дом рушите?

— Ваш дом? — Один из практиков семьи Лэй по имени Лэй Цзинь презрительно сплюнул, окинув бродягу брезгливым взглядом. — Скоро здесь возведут роскошную усадьбу для великого гения, которому суждено стать новым Богом Войны! Неужели вы думали, что на этой священной земле и дальше будет ютиться всякое отребье? Проваливайте отсюда, пока целы!

Их высокомерие переполнило чашу терпения нищих. Каждому из них приходилось терпеть косые взгляды и насмешки, но сейчас речь шла об их единственном убежище. Если они лишатся храма сейчас, то как переживут лютые зимние холода?

Бродяги с криками бросились на обидчиков.

Разумеется, исход этой схватки был предreshён. Простые люди, не владеющие боевыми искусствами, были бессильны против практиков. Пара точных ударов — и защитники храма покатались по пыльной земле, постанывая от боли. Поняв, что силой здесь ничего не решить, избитые и униженные нищие поспешили убратъся вовремя.

Чжан Мяо, Лэй Лижэнь и сопровождавший их пёс тоже направились к выходу. Го Нуань искренне надеялся, что старый слепец вмешается и проучит наглецов — ведь он прожил в этом месте немало лет, и оно наверняка было ему дорого. Но старик проявил поразительное равнодушие. Похоже, Го Нуань слишком рано записал его в добряки. В этом жестоком мире каждый заботился только о себе.

Они уже почти миновали ворота, когда Лэй Цзинь заметил знакомый силуэт. Он прищурился и громко крикнул:

— Эй! Ну-ка стоять!

Путники остановились. Лэй Цзинь неторопливо подошёл к ним и бесцеремонно заглянул Лэй Лижэню в лицо, едва не коснувшись его своим носом. Мальчик брезгливо отпрянул в сторону.

— Глядите-ка, парни! Да это же наш ненаглядный Лижэнь!

В его голосе сквозило такое количество яда и презрения, что Го Нуань невольно зарычал.

Чжан Мяо в этот момент мог бы спокойно развернуться и уйти — его ровным счётом ничего не связывало с этим озлобленным мальчишкой. Всё их знакомство ограничивалось мимолётной ночной помощью, на которую старик решился лишь из-за настырной жёлтой собаки. И всё же его ноги словно приросли к земле, не позволяя сделать и шага в сторону.

Лэй Лижэнь попытался вырваться, но Лэй Цзинь мёртвой хваткой вцепился в его плечо. Без поддержки внутренней энергии Лижэнь, лишившийся своих боевых искусств, обладал лишь обычной физической силой, которая была бесполезна против подготовленного практика.

— Постой... Да у тебя что, меридианы разрушены? Боевые искусства испарились? — Лэй Цзинь так удивился, что на мгновение ослабил хватку.

Когда-то Лэй Лижэнь был гордостью и надеждой клана Лэй, самым одарённым юношей своего поколения. Из-за этого сверстники люто ненавидели его, прикрывая свою зависть фальшивыми улыбками. Но даже тогда, сталкиваясь с мелкими пакостями со стороны обделённых талантом сородичей, Лижэнь предпочитал не ввязываться в драки, зная, что старейшины не одобряют семейных усобиц. Он просто уходил, оставляя завистников ни с чем.

Но теперь всё изменилось.

— Что притих, Лэй Цзинь? Не можешь справиться с калекой? — К ним лениво подошли ещё несколько учеников семьи Лэй. — О надо же, сам молодой господин пожаловал! Сын нашего бывшего главы! Говорят, ты у нас первый боец в семье? Ну же, покажи класс, развлеки нас!

Глаза Лэй Лижэня медленно налились кровью. Он низко опустил голову, пряча под длинными ресницами испепеляющую ненависть.

«Пусть я был лучшим среди сверстников... Какая разница, если меня всё равно могут растоптать? Вот если бы я мог одолеть сотню... Одолеть весь этот проклятый мир... Посмел бы тогда хоть кто-то взглянуть на меня свысока?»

В тот миг в его юной груди зародилось тёмное, непреодолимое желание. Наступит день, и он заставит содрогнуться каждого, кто посмел над ним смеяться. И тогда весь мир познает его гнев.

<http://bllate.org/book/20621/2132696>